

УДК 94(474/476-89)“18”+316.343:63-051(474/476-89)(091)

**САМОУБИЙСТВА КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН
БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ)**

Анофренко Н. В.

Институт истории НАН Беларуси

Минск, Беларусь

Аннотация. На основе документов официальных органов белорусско-литовских губерний первой половины XIX в., хранящихся в фондах Национального исторического архива Беларуси, проанализированы случаи самоубийств среди крепостных крестьян. В статье на конкретных примерах показан механизм проведения расследований и принятия судебных решений. Указаны основные причины (страх наказания, реакция на жестокое обращение, бедность), толкавшие крепостных крестьян на самоубийство.

Ключевые слова: полиция; уездный суд; главный суд; палата уголовного суда; крестьяне; помещики; наказание; самоубийства.

**SUICIDES OF SERFS IN THE BELARUSIAN-
LITHUANIAN PROVINCES IN THE FIRST HALF
OF THE 19TH CENTURY (BASED ON MATERIALS
FROM THE NATIONAL HISTORICAL ARCHIVES
OF BELARUS)**

Anofranka N. V.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Belarus

Annotation. Based on documents from official bodies of the Belarusian-Lithuanian provinces of the first half of the 19th century, which are stored in the funds of the National Historical Archives of Belarus, cases of suicide among serfs were analyzed. The article shows the mechanism of conducting investigations and making judicial decisions using specific examples. It also shows the main reasons (fear of punishment, reaction to cruel treatment, poverty) that pushed serfs to commit suicide.

Keywords: police; district court; main court; criminal court chamber; peasants; landowners; punishment; suicide.

На протяжении первой половины XIX в. в Российской империи самоубийства квалифицировались как уголовные преступления, поэтому

в том или ином виде попадали в отчеты о происшествиях по губерниям, которые поступали в Министерство внутренних дел. В 40-х гг. XIX в. на основе этих данных К. С. Веселовский провел исследование и в 1847 г. опубликовал «Опыты нравственной статистики России» [1]. Проанализировав документы министерства за семь лет (1834–1841 гг.), он составил несколько таблиц о количестве самоубийств по губерниям Российской империи, а также подсчитал соотношение количества суицидов на количество жителей. Первое место по этим параметрам, обогнав Санкт-Петербургскую, заняла Минская губерния (1 самоубийство приходилось на 14 757 человек) [1, с. 20–21, 25].

Если обратиться к документам судебных и губернских инстанций, на основе которых и составлялись сводные отчеты МВД, то возникает вопрос о достоверности количества суицидов по губерниям. Например, по подсчетам К. С. Веселовского, в Минской губернии самоубийств в 1834 г. было 63, в 1835 г. – 70, в 1836 г. – 71, в 1837 г. – 66, в 1838 г. – 71, в 1839 г. – 52, в 1840 г. – 91, в 1841 – 77 [1, с. 20–21]. Если сравнить с данными описи «Минской палаты уголовного суда (1831–1867 гг.)», то в 1834 г. и 1841 г. было по одному самоубийству, а с 1835 г. по 1839 г. дел о самоубийствах вообще не рассматривалось. Анализ описей и дел «Минского главного суда» (ф. 76), «Минской палаты уголовного суда» (ф. 145), «Канцелярии витебского гражданского губернатора» (ф. 1413) показал, что суициды среди жителей Витебской и Минской губерний были редкими. Единственной категорией самоубийц, которую можно рассмотреть как отдельную группу, – это крепостные крестьяне.

21 марта 1812 г. во вторую полицейскую часть Минска поступило сообщение «о порешении себе ножом горла» крестьянином помещика Станислава Прушинского Григорием Крещановичем. Полиция выяснила, что малолетняя дочь помещика пожаловалась на то, что ее «собаки шпица (породу вывели в XVIII в. – А. Н.) нету и не известно, где делась» [2, л. 3]. Работающий у Прушинского крестьянин князя Радзивилла 22-летний Ануфрий Левицкий рассказал: «Не было того дня, чтобы оный Прушинский не наказывал крестьян своих бизуном и плетью». Поэтому, когда дочь ему пожаловалась, что нет «маленького собачки», он тут же приказал за недосмотр наказать дворовых. Услышав о наказании, Григорий Крещанович попытался спрятаться, но его нашли и отправили на конюшню. Там крестьянин, чтобы не терпеть «немилосердные побои, резал себе горло бритвой» [2, л. 3 об.–4]. Минский полицмейстер вместе с оператором Минской врачебной управы доктором Гибенталем в тот же день 21 марта отправились в квартиру помещика

Станислава Прушинского и провели осмотр Крещановича и в медицинском свидетельстве записали, что он «простым ножом несколько раз в одном месте горло порезал и состоит в живых» [2, л. 5].

Полиция от Прушинского потребовала ответов: «1. Крещанович сказал, что хотел себя зарезать от нещадного от вас наказания, которое [приказывалось] не только по вине, но и без всякой причины. И когда приказали его положить на землю, видели вы, как он, вынувши нож из кармана резал себя? Ежели видели, почему до того допустили? 2. Крестьянин ваш Степан Гриневиц в допросе изъяснил, что в феврале месяце вы наказывали его в один день два раза и хотели третий. Тогда Степан, узнавши взял из шкафа бритву и резал себе горло, но скоро прибежал коваль Василий Ворона, отобрал и донес о сем происшествии вам. То ежели сие справедливо, за что оного Степана так немилосердно наказывали? А когда донес Ворона вам, что Степан резал себя, то почему не донесли о противозаконном Степана поступке полиции? Для того извольте изъяснить, обо всем подробно и немедленно возвратить в сию часть 22 марта 1812 г.» [2, л. 11–11 об.] Окончательное решение по данному делу отсутствует, что, вероятно, связано с перерывом в деятельности судебных инстанций в связи с военными событиями 1812 г.

Следующие дела о самоубийстве крепостных крестьян датируются 30-ми гг. XIX в. Так, в 1831 г. в донесении от 20 февраля 1831 г. председатель палаты гражданского суда Милькович в ведомости о происшествиях по Витебской губернии за первую половину января 1831 г. отметил, что 5 января в Витебском уезде крестьянка помещицы Быковской Марфа Клепикова «устрашась угроз войта Шанова вскочила в вытопленную печь, откуда ее вытащили мертвой» [8, л. 7]. Генерал-губернатор Витебский, Могилевский и Смоленский потребовал проведения следствия [8, л. 7 об.]. Уездный врач вместе с войтом Войцеховским и уездным стряпчим Клейтом освидетельствовали тело и следов побоев не обнаружили. В медицинском заключении было записано: «Смерть последовала от болезней, была вовсе скоропостижной и ненасильственной» [8, л. 3]. Земская полиция допросила войта помещицы Быковской Прокопа Шанова. По его словам, 23 декабря 1830 г. крестьянка Марфа пришла в двор Красиной «для отдачи льняной пряжи». Тогда он ей задал вопрос – почему она самовольно продала своего «подлетка» (подтелка). Женщина ответила, что хотела «дать денег своему сыну Герасиму, отданному в рекруты, и на уплату долга содержателю корчмы Красиной шляхтичу Чайковскому за водку, бран-

ную ею на похороны своего мужа». Войт напомнил, что она не должна без ведома госпожи «сама собою в том распоряжаться», но не угрожал и не наказывал [8, л. 3 об.–4].

Невестка Марфы Улита Клепикова подтвердила, что свекровь 23 декабря ходила в господский двор, а по возвращении сказала, что войт «побранил ее за намерение продать подтелка, но не грозил за то бить и о том не жаловалась». После этого Марфа ходила к сыну в Витебск и оттуда вернулась больной. Ночью 5 января 1831 г. свекровь почувствовала озноб и, чтобы согреться, залезла вовнутрь теплой печи. На следующее утро невестка с помощью соседей достала ее неживой. Полиция провела обыск, на котором 12 крестьян одобрили поведение войта Шанина и подтвердили, что «с крестьянами жестоко не обращался». Таким образом, в ходе следствия Витебский земский суд определил, что Марфа Клепикова умерла от болезни [8, л. 4 об.–5, 6].

Следующий инцидент случился 31 мая 1833 г. в Борисовском уезде Минской губернии. Крестьянин деревни Бычки Яков Дубень после покушения на свою жизнь был доставлен к уездному лекару Белицкому, который в медицинском заключении отметил: «Яков Дубень имел только падучую болезнь <...> но сколько ему известно из наук медицинских, дабы человек в сей болезни вешался либо резался быть не может, разве какая душевная болезнь была с оным сопряжена – какой-либо сорт делирии, мании или меланхолии» [3, л. 72]. Минская врачебная управа нашла это заключение неосновательным и потребовала доставить Дубеня в Минск для «учинения над ним экзамена» [3, л. 72–73]. 2 февраля 1835 г. ключвойт радзивилловского имения доставил его во врачебную управу, где 12 февраля было проведено освидетельствование. В медицинском заключении было отмечено, что Дубень «при совершенном физическом здоровье, имел чистый разум и совершенный рассудок, не страдал никогда ни головными, ни какими другими помрачениями ума», к алкогольным напиткам склонен не был, «о чем судить можно из цвету лица и нерасслаблению общего здоровья» [3, л. 110]. В качестве причины самоубийства было записано: «Непомерно возлагаемые работы, взыскание денежных платежей и причинение телесных наказаний» [3, л. 110 об.]. В рапорте минский земский исправник также отметил, что Яков Дубень уже дважды пытался повеситься из-за крайней бедности и «по неимению пропитания себе и своему семейству» [3, л. 114 об.].

В 1834–1837 гг. минская полиция и судебные инстанции рассматривали дело о самоубийстве крепостной крестьянки помещицы Па-

улины Волович Агаты Колесниковой. Тело 21-летней Колесниковой было найдено 11 мая 1834 г. в реке Свислочи, о чем сразу был извещен частный пристав Чернявский. Он с членом врачебной управы Крафтом и уездным стряпчим 12 мая осмотрели тело и определили, что «смерть последовала явно от утопления в реке» [4, л. 4, 5, 6 об.]. Полицейские взяли показания у помещицы Волович и ее матери помещицы Смицельской. Обе женщины заявили, что служанка была ленива, упрямая и дерзкая, нередко ругалась с хозяйкой, но обхождение с ней было ласковым, как и со всеми другими слугами [4, л. 108–108 об.]. Помещицы и слуги подтвердили, что накануне гибели девушка была наказана плетью. По словам прислуги, Агата часто подвергалась порке, но в последний раз наказание усугубилось обрезанием волос, поэтому девушка свела счеты с жизнью [4, л. 106–107]. Волович заявила, что Колесниковой «жестокое наказания чинимо не было, а единственно для страха». Также она сообщила, что Колесникова «имела любовную связь с лакеем господина Шидловского <...> коему по ночам выпшивала манишки, мыла белье и к нему была привержена» [4, л. 108]. Помещица особо подчеркнула, что ее крепостная, «не довольствуясь своим происхождением, желала быть свободною, но сего достигнуть не в состоянии». Ее рассудок «от задумчивости, упрямства и дерзости» мог не выдержать, и она причинила себе смерть [4, л. 108 об.].

По окончании следствия минская полиция передала дело о самоубийстве Агаты Колесниковой в судебные инстанции. В журнале Минской уголовной палаты от 17 октября 1835 г. было записано, что помещица Волович с покойной крепостной девкой обращалась строго, «была она ежечасно наказываема и в особенности в 1834 г. на третий день праздника Светлого Христова Воскресения», а после обрезания волос девушка не выдержала и утопилась [4, л. 126]. Волович вины не признала, а доказательства были косвенные, поэтому суд постановил смерть Агаты Колесниковой считать «последовавшей от собственного ее сама себе причинения». Помещицу Волович (во втором браке Попову) суд обязал подпиской, что она «с дворовыми людьми и крестьянами строго обращаться не будет, и поручить мужу ее майору Попову иметь за сим смотрение» [4, л. 201]. Это постановление 20 мая 1837 г. было утверждено Сенатом [4, л. 205 об.].

Дисненский уездный суд 26 апреля 1840 г. рассматривал дело о попытке самоубийства крестьянина имения Засторожинцы помещика Беттигера Антона Яйсы. Следствие установило, что помещик Беттигер приказал управляющему «собрать ослушников и привести их в пови-

новении». Ожидая свою очередь на экзекуцию, один из «ослушников» крестьянин Антон Яйса, «дабы не быть наказанным», решил покончить с собой. Прежде чем его остановили, он успел порезать кожу на горле [5, л. 2]. На допросах Антон Яйсо и еще один крестьянин Лукаш Дорошка заявили, что их помещик Беттигер установил «беспощадную барщину» – каждый человек «служит двору с понедельника по воскресенье, а как через такие угнетения у кого не стает хлеба <...> должны или заимствовать хлеб у других, или продавать последнее имущество, или погибать от голода» [5, л. 2 об.].

По свидетельству соседей, Беттигер со своими крестьянами обращался хорошо, опрошенные крестьяне имения Засторожинцы подтвердили, что «недостатка ни в чем не претерпевают, от владельцев получают помощь» [5, л. 2 об.–3]. Беттигер же заявил, что его крестьяне (Яйса, Дорошка, Сосновский, Лабунька, Небарака, Кажан) начали «вести себя дурно и расстраивают свое хозяйство». Поэтому для сохранности он забрал хлеб и сено, а на прокорм их семьям сам выдавал «достаточное количество хлеба» [5, л. 32 адв.]. В результате Дисненский уездный суд постановил обвинения со стороны Яйсы и Дорошки признать ложными, а помещику Беттигеру запретить для наказания крестьян использовать колоды и обязать подпиской, чтобы впредь «за своими крестьянами имел смотрение и в случае недостатков в чем-либо делал им из собственности своей вспомоществование». Антона Яйсу за попытку самоубийства приговорили к наказанию плетью через полицейского и передаче на церковное покаяние [5, л. 2–3, 32].

В феврале 1841 г. во время доставки в рекрутское депо крестьянин помещика Вилейского уезда Эдуарда Рудомина Павел Яловина совершил попытку самоубийства. Он достал из кармана бритву, и до того, как охранники его остановили, успел один раз провести лезвием по горлу. В документах Вилейского уездного суда отмечалось: «К этому умыслу не было никаких побудительных причин, ибо господин Рудомина с крестьянами и Яловиной обращался некасаательно и добропорядочно» [6, л. 2 об.]. Ответственность за попытку лишить себя жизни суд возложил на Павла Яловину и приговорил к наказанию 50 ударами плетью и церковному покаянию. Минская палата уголовного суда в целом одобрила приговор, но уменьшила количество ударов плетью с 50 до 15 [6, л. 3].

В этом же году 14 ноября в Вилейский уездный суд поступило дело о попытке самоубийства («подрезала себе горло») крестьянки имения Александровка помещика Нецеевского Марьяны Лойко. В ходе след-

ствия выяснилось, что причиной самоубийства было обвинение ее в краже денег у тещи помещика Нецеевского. По словам помещика, подозрение на Лойку пало из-за того, что «она была ближе всего к его теще и ходила в амбар, в котором находились деньги». Это же подозрение высказал и эконом Людвиг Матусевич [7, л. 36–37 об.]. Нецеевский не отправил крестьянку в земский суд, а решил воспользоваться своей властью и наказать женщину. Для начала Марьяну на сутки заковали в колоду. Потом ее какое-то время пугали наказанием и наконец отвели на экзекуцию в винокурню. Сначала женщину наказывал сам Нецеевский (4 удара), потом его эконом Матусевич (5 ударов). В это время женщину держали крестьяне Казимир Поговский, Степан Душевич и Севастей. По их словам, Марьяна Лойка не могла «снести, не так наказания, как мучения» и решила ложно признаться в краже. Женщину отпустили, чтобы она принесла деньги, она воспользовалась «находившимся в комнате ножом» и начала резать горло. Нож у нее отобрали и вызвали цирюльника из Ракова, который «зашил разрезанное» [7, л. 35]. Помещик и эконом заявили, что наказание не могло спровоцировать самоубийство, так как не было жестоким и длилось не более пяти минут [7, л. 37]. В результате 26 января 1842 г. Вилейский уездный суд постановил: «Крестьянку Марьяну Лойкову, на основании Свода законов Т. 15 ст. 135, 348, за намерение лишить себя жизни по причине жестоких с нею обращения, оставить без всякого наказания. Помещика, дабы наперед не допускал подобного, обязать подпиской и предварением, что в подобных случаях будет подвергнут законному суждению» [7, л. 38 об.]. Минская палата уголовного суда скорректировала решение: «Крестьянку Марьяну Лойкову 40 лет, намеревающуюся лишить себя жизни со страха дальнейшего наказания <...> отдать на церковное покаяние по исповедуемой православной вере. <...> на основании Свода законов ст. 348. поручить ее особому покровительству местного начальства. Помещику Нецеевскому подтвердить, дабы в преступлении его крестьян, которые подлежат законному разбирательству, не осмеливался делать взысканий, а с крестьянами обходился человеколюбиво и наперед не сажал в колодки под опасением строго по закону ответствения» [7, л. 39].

18 сентября 1843 г. витебский губернатор получил рапорт из Дриссенского уездного суда, в котором сообщалось, что в имении Плятеров Большой Индрицы повесился один из крестьян [9, л. 1]. В связи с этим происшествием уездный предводитель дворянства пояснил: «Имение Индрица состоит в распоряжении графа Ивана Плятера, жительствоющего от давних лет в Царстве Польском. Управление тем имением дове-

рено дворянину Руковичу. <...> Нету причин к сомнению, чтобы беспорядочное или отяготительное распоряжение его могло довести крестьян того имения к собственным неудовольствиям, а тем паче могли быть поводом к расстройству умственных способностей, последствием которых стало самоубийство <...> Смерть Мачевского должно отнести к случаям непостижимым умам человека» [9, л. 4-4 об.]. Вероятно, такое объяснение удовлетворило губернскую администрацию.

12 января 1845 г. Суражский земский суд подал рапорт витебскому губернатору о самоубийстве в поместье Саловичах крепостной крестьянки Настасьи Федотовой. 26 октября 1844 г., будучи на господском дворе, девушка увидела, что дворовая собака стащила висевшую в кухне сырую овечью кожу и, опасаясь, что «будут на нее браниться, намерилась лишиться себя жизни». Она схватила нож, подошла к собачьей будке, спустила собаку, потом резанула себя ножом по горлу и упала на землю. До того, как она истекла кровью, ее обнаружил крестьянин Стефан Васильев. Срочно вызванный Суражский уездный вольнопрактикующий врач нашел «рану проникающую сквозь горло так, что воздух при дыхании из одного проходил». Он зашил ей горло и задал несколько вопросов, на основе которых в медицинском свидетельстве записал: «Поступок сей могла она сделать не в полном присутствии ума или в исступлении одного». С этим согласилась земская полиция, которая пришла к заключению, что крестьянке никто не угрожал [10, л. 4-5].

Рассмотренные случаи показывают, что самоубийствам зависимых людей способствовало их крепостное состояние. Основными причинами были крайняя степень нищеты, жестокое обращение помещика и страх перед наказанием. Попытки покончить с собой, как правило, были реактивными. По каждому удавшемуся или неудавшемуся покушению на самоубийство проводилось следствие. Полицейские и судебные органы стремились найти причину суицидального поведения и установить виновных.

Список использованных источников

1. Веселовский, К. С. Опыты нравственной статистики России / К. С. Веселовский. – Санкт-Петербург: Тип. М-ва внутр. дел, 1847.
2. НГАБ. – Ф. 76. Воп. 2. Спр. 357.
3. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 2.
4. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 41.
5. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 148.

6. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 220.
7. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 242.
8. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 3053.
9. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 10491.
10. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 9356.